

Вернувшись в комнату, он повалился на кровать, мысленно признав, что дело не в том, что Ли Чэнь ведёт себя странно, а в том, что он сам действительно умеет притворяться. Но, подумав, всё это было вызвано Ли Чэнем.

Ли Чэнь заставлял его внутренности содрогаться, а снаружи он жил в совершенно другой оболочке, превратившись в человека, который был совершенно иным внутри и снаружи.

Ли Чэнь больше не обнимал его по ночам.

Кровать была большой, они лежали по разные стороны, оставляя между собой пространство. Оба спали аккуратно, не борясь за одеяло.

В те моменты перед сном, когда сознание ещё не отключалось, в голове Цзи Шаотина вдруг возникла странная аналогия: он и Ли Чэнь были как два тела, похороненные на общем кладбище. Хотя они покоились бок о бок, и расстояние было так мало, что можно было дотянуться рукой, между ними не было никакой связи — ни при жизни, ни после смерти.

Затем в сердце Цзи Шаотина поднялась бесконечная обида. Он слишком хорошо знал свой характер — он не любил доставлять неудобства другим.

Они с Ли Чэнем не могли продолжать так жить. Не говоря уже о том, что впереди было ещё много лет, тётя Чэнь через несколько дней точно заметила бы их показную гармонию.

Так что в конечном итоге Цзи Шаотину пришлось бы уступить. Хотя ему было бы достаточно всего лишь одного извинения от Ли Чэня, чтобы забыть все обиды, а возможно, даже разморозить этот застывший прогресс отношений, дав себе повод снова влюбляться в Ли Чэня.

Если в конечном итоге именно Цзи Шаотину придётся первым сделать шаг навстречу, то их отношения вряд ли улучшатся. Чувства должны быть взаимными, нельзя, чтобы только он один постоянно шёл на уступки.

На следующий день после возвращения из Лондона Ли Чэнь сказал, что ему нужно задержаться на работе, словно чтобы подтвердить ложь Цзи Шаотина, будто и правда появилась срочная работа.

За ужином за столом сидели только Цзи Шаотин и Чэнь Пэй. Учительница Чэнь планировала вернуться на работу в университет после праздников, и Цзи Шаотин спросил о некоторых деталях послеоперационных обследований. Чэнь Пэй, попивая суп, сказала, чтобы они не беспокоились.

Затем она положила ложку обратно в миску и, подняв голову, неожиданно произнесла:

— А вот вам, молодожёнам, стоит позаботиться о своих делах.

Мгновенная растерянность Цзи Шаотина была быстро скрыта за его актёрским мастерством. Он притворился глупым и пожаловался:

— Вот именно, обещал мне медовый месяц, а потом снова ушёл на работу.

Чэнь Пэй просто смотрела на него, всем видом показывая: «Я всё знаю». Цзи Шаотин смущённо опустил глаза и услышал, как она спросила:

— Тинтин, ты правда не знаешь?

Её тон был таким, как будто она вела лекцию, и уверенность Цзи Шаотина мгновенно испарилась. Он тихо спросил:

— Знать что?

— Для Ачэня ты важнее работы.

На этот раз Цзи Шаотин не смог скрыть своего удивления, его рука с палочками замерла. Чэнь Пэй, наблюдая за его реакцией, продолжила:

— Ты знаешь, почему он вдруг решил поехать в путешествие?

— Почему? — спросил Цзи Шаотин. Он знал, что это было ради него, но не понимал, ради чего именно.

— Чтобы тебе не было скучно, — ответила Чэнь Пэй. — Я упомянула, что тебе дома скучно, и он тут же бросил работу, чтобы поехать с тобой за границу. Разве ты не видишь, что в его глазах ты важнее работы?

В этот момент Цзи Шаотин вдруг подумал, что первым пойти на примирение — не такая уж и большая проблема.

Осознав это, он не смог не почувствовать отвращение к себе: как он может быть таким мягким, позволяя Ли Чэню играть с его характером.

Чэнь Пэй по-прежнему говорила мягким, материнским тоном:

— Тинтин, расскажи маме, в чём дело?

Как он мог рассказать ей об этом? Даже мысль о том, чтобы произнести это вслух, казалась неприличной. Цзи Шаотин покачал головой:

— Мама, не беспокойтесь, я разберусь с Ачэнем.

Он действительно так думал, почти с отчаянием. Он был таким мягким, чего ещё можно было ожидать? Пока он чувствовал себя уязвимым, лучше быстро помириться с Ли Чэнем. Если придётся уступить, то пусть будет так, в этом нет ничего страшного.

В конце концов, заставить Ли Чэня извиниться было слишком сложно. Даже за такое серьёзное преступление, как изнасилование в браке, он не опустил бы головы. Это был его врождённый недостаток, и если он не переживёт смертельный удар, который разрушит и перестроит его, это невозможно исправить.

Тогда Цзи Шаотин не мог представить, что этот смертельный удар в конечном итоге нанесёт он сам. Он просто опустил голову, продолжая есть суп, и, приняв решение, поднял глаза и решительно сказал:

— Мама, я скоро выйду.

В глазах Чэнь Пэй мелькнуло удивление — Цзи Шаотин никогда раньше не говорил, что выйдет:

— Куда? Уже вечер.

— В компанию Ачэня, отнесу ему ужин.

Цзи Шаотин только издалека, с балкона дома, видел здание компании Ли Чэня — Торговый центр, самое высокое здание в городе Наньюнь, которое, словно пуля, пронзало окружающие коммерческие постройки.

Он уже некоторое время был госпожой Ли, но никогда не был в компании Ли Чэня.

Точнее, он никогда не выходил из дома по собственной воле. В прошлый раз это было из-за внезапного визита его брата, и он должен был появиться перед ним, чтобы брат не заметил, что этот брак был фактически домашним арестом.

Цзи Шаотин всегда был послушным, а Ли Чэнь был их семейным благодетелем, поэтому он делал всё, что тот говорил. Если Ли Чэнь говорил оставаться дома, то Цзи Шаотин оставался дома.

На этот раз он осмелился послушаться, потому что был уверен, что в сердце Ли Чэня он занимает настоящее место.

Конец поездки в Великобританию был ужасен, но только конец. Во все остальные моменты Цзи Шаотин был счастлив. Если и был какой-то результат, то это было самое точное доказательство любви.

Конечно, Цзи Шаотин всё ещё беспокоился, что может помешать работе Ли Чэня. Неся термос с едой через оживлённые улицы зимнего вечера, он думал о том, что, поднявшись наверх, сначала попросит секретаря сообщить о его визите. Если господину Ли будет удобно, он выйдет, если нет, то он просто оставит ужин и уйдёт.

В любом случае, таким образом он уже передал своё желание примириться. Хотя Ли Чэнь был по-детски упрям, он не мог не понять таких вещей.

А потом, вернувшись домой, в тёплые одеяла, он, возможно, снова будет настойчиво и по-детски просить обнять его.

Думая об этом, Цзи Шаотин слегка улыбнулся, но в сердце осталась тень грусти.

Если всё закончится именно так, Ли Чэнь точно не извинится.

Секретарь спросила, как его зовут, и, услышав ответ Цзи Шаотина, широко раскрыла глаза:

— Вы ведь...?

Цзи Шаотин замер на пару секунд, прежде чем неуверенно ответить:

— Да.

Секретарь тут же изменила тон в разговоре с секретарём Ли Чэня:

— Это госпожа Ли, я сейчас провожу её наверх.

Теперь уже нельзя было просто оставить ужин и уйти. Цзи Шаотин сел в лифт Ли Чэня и поднялся на верхний этаж, напряжение нарастало с каждым этажом.

Секретарь тоже явно нервничала, её речь стала запинаящейся:

— Вы... принесли господину Ли ужин?

— Да, да, — ответил Цзи Шаотин.

— Как... как мило! Не зря все говорят, что господин Ли очень любит свою жену! — казалось, она хотела разрядить атмосферу за эту короткую минуту и начала с лёгкой темы. — Он даже остановил работу, чтобы поехать с вами за границу. Вы же знаете, господин Ли — трудоголик!

Сердце Цзи Шаотина дрогнуло, и он тихо спросил:

— Правда?

— Конечно! — девушка на ресепшене была очень проницательной и сразу поняла, что Цзи Шаотин легко общается, поэтому расслабилась. — Он очень серьёзно относится к работе, поэтому сразу после возвращения задержался на работе!

Ли Чэнь, должно быть, очень ценил этот медовый месяц.

Цзи Шаотин подумал, что, возможно, Ли Чэнь тоже был разочарован тем, как всё закончилось.

В конце концов, он просто не знал, как выразить свои чувства. Ли Чэнь всегда был странным человеком.

— Госпожа Ли, — улыбнулась девушка, — мы прибыли. Идите и сделайте сюрприз!

Цзи Шаотин очнулся и удивился:

— Вы не сказали ему...?

Секретарь покачала головой, встала с места и указала Цзи Шаотину на короткий коридор, устланный тёмно-синим ковром, в конце которого были блестящие деревянные двери.

Сделав несколько шагов, Цзи Шаотин услышал, как девушка с трудом сдерживает крик:

— Ох, как мило! Никогда бы не подумала, что наш господин Ли может быть таким романтичным!

— Не дёргай меня, — холодно ответила секретарь.

Цзи Шаотин почему-то хотел горько усмехнуться. Он не чувствовал себя женой, которая пришла позаботиться о муже, скорее, он был похож на соискателя, пришедшего на собеседование. Он сделал два глубоких вдоха, прежде чем решился постучать.

Ли Чэнь не сказал «войдите», он просто открыл замок, раздался щелчок.

Когда Цзи Шаотин вошёл, Ли Чэнь зажигал сигарету.

Плавные линии его пальцев окружали мерцающий огонёк, дым вырывался из щелей между пальцами. Закурив, он положил зажигалку, взял сигарету и, сидя в кресле, уставился на рамку с фотографией на столе.